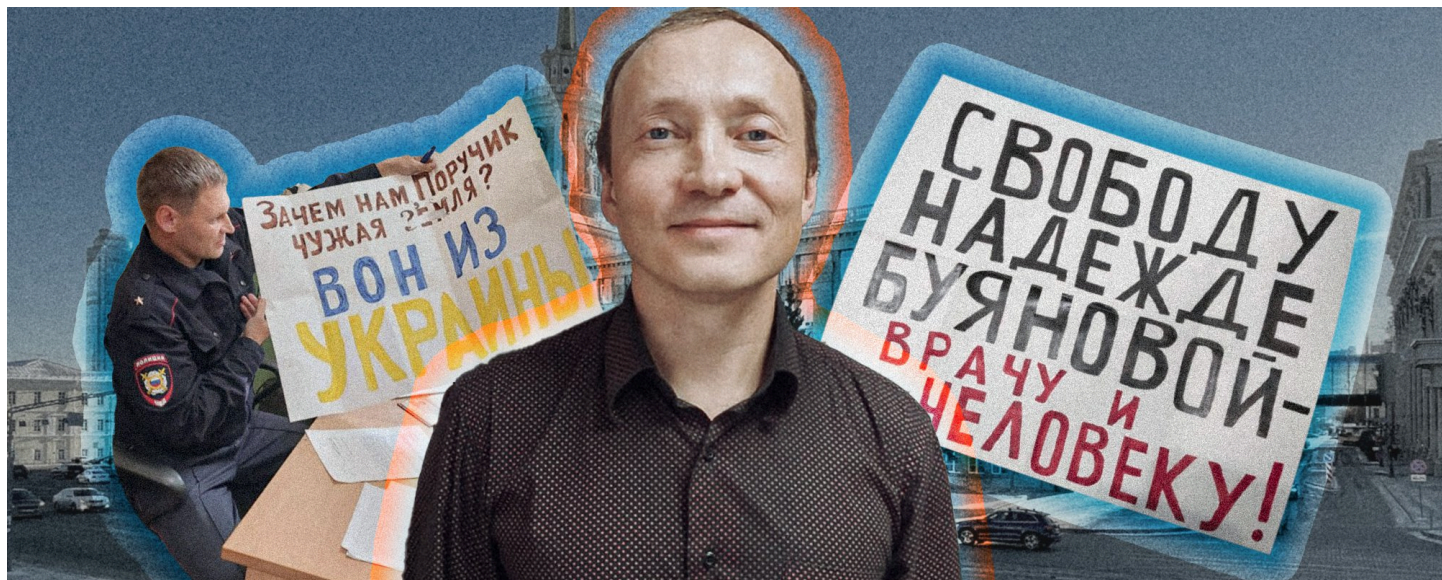

Коллаж: ОВД-Инфо / Фото: из личного архива Дмитрия Рыкова, Vyacheslav Bukharov (Wikimedia commons, CC BY-SA 4.0)

26.11.2024, 17:20 Свердловская область

свой опыт

«Не ставлю знак равно между патриотизмом и милитаризмом». Рассказ геолога, который продолжает протестовать против войны и репрессий

Дмитрию Рыкову 40 лет, он живет в Кировграде — это небольшой город в Свердловской области. Он работает геологом на золотодобывающем предприятии в соседнем городе Невьянске. Руководство предприятия отправляет на войну дроны и ремонтирует военную технику, которую потом отправляют обратно в Украину. Дмитрий регулярно выходит на одиночные пикеты и считает, что

так еще можно выразить несогласие. ОВД-Инфо поговорил с ним.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

«РЕШИЛ, ЧТО У МЕНЯ БРЕД»

«[О политике] я начал задумываться с 2014 года, когда случился Крым. Тогда я стал интересоваться и пытаться понять, что происходит. Это была даже не столько политика, сколько вопросы гуманистического характера. У меня есть несколько товарищей, с которыми мы можем все это обсудить, и они меня поддерживают. К сожалению, в моем окружении много людей с противоположной позицией — как они считают, традиционной и патриотической, и все это в агрессивно-милитаристской манере. Я не считаю, что это патриотизм и не ставлю знак равно между патриотизмом и милитаризмом. Если мы любим свою родину, это не значит, что должны ненавидеть других, почему нужно любить в ущерб другому?»

Дмитрий Рыков с коллегами-геологами / Фото из личного архива

События февраля 2022 года стали для меня полнейшим шоком. Я тогда был на больничном, лежал дома. 22 февраля включил канал «Дождь», он тогда еще официально работал, ведущие что-то начинают говорить... я решил, что у меня, наверное, бред. Думаю, полежу, поправлюсь и все пройдет.

Но ничего не поменялось. Через неделю я поправился, нашел дома кусок обоев, взял его и написал: «Нет войне». Для меня все происходящее было немыслимо. В пикетах я до этого никогда не стоял. Простоял я около часа. Никто меня не задержал. Люди шли мимо — кто-то поддерживал, фотографировался со мной, кто-то буркнул: ты что, мол, за нациков? Между людьми пролегла граница, общество разделилось.

Тяжелым опытом стало, что родители на противоположной стороне. Поначалу я пытался спорить с ними, но потом понял, что бесполезно. Про пикет даже не стал им говорить — понимал, что они очень расстроятся.

Второй раз я встал в пикет с тем же плакатом — снова в Кировграде. Опять простоял больше часа. И как в прошлый раз кто-то подходил с поддержкой, а кто-то — наоборот. 11 апреля с ним же я поехал уже в Екатеринбург — вышел к памятнику Ленина. И там меня уже задержали. К этому моменту появился закон «о дискредитации».

Полицейские как будто сами были в растерянности и не понимали, что со мной делать. Меня завели в автобус, где находилось еще около двадцати полицейских. Как ни странно, когда я сидел в окружении этих полицейских, стало легче: я, по крайней мере, высказался. До этого я страшно мучился.

Меня отвезли в отдел, оформили протокол о дискредитации, сказали, что дело будет передано в суд. Я тогда еще не знал, что бывают какие-то правозащитники. Потом стал в интернете искать информацию, написал в ОВД-Инфо — со мной связался защитник Артем Шульман, который мне помог в суде.

Так получилось, что мне прислали на Госуслуги письмо, что меня уже осудили на 45 тысяч рублей. Я думаю: как это так, меня даже не оповестили заранее. Выяснилось, что они мне отправили смску [о предстоящем заседании], но она до меня не дошла: у меня был дешевый кнопочный телефон, у него было мало памяти и смс технически не могла дойти — память была заполнена. На суде благодаря защитнику удалось доказать, что я не был должным образом оповещен. Дело **прекратили**.

«МЫ ТОЖЕ НЕ СОГЛАСНЫ, НО У НАС ИНСТРУКЦИЯ»

Через какое-то время, осенью 2022 года я собрался [в пикет] снова — с плакатом «Нельзя убивать людей. Миру мир. Нет войне». К тому времени я узнал много

неприглядных вещей про войну, о том, что раньше было известно только по книжкам, — невыносимо было на это смотреть. Я понял, что не могу принимать эти вещи, весь этот ужас. Встал в центре Екатеринбурга. Удивило, как много людей поддерживало: из автомобилей сигналили, кто-то знак «класс» показывал, были люди, которые подходили и руку пожимали. Были и противоположные реакции, кто-то проходил и бурчал.

Меня задержали через полчаса. Приехали двое полицейских, попросили свернуть плакат и отойти. Я знаю, что сотрудникам нельзя сопротивляться, и все послушно выполнил. После этого мы долго ждали УАЗик. Тогда сотрудники мне сказали: «Мы вас понимаем, мы тоже со всем этим не согласны, но у нас инструкция, что вас нужно доставить». Это был единственный раз, когда я увидел в них такое человеческое переживание ситуации. Обычно ощущение, что они выполняют работу, не задумываясь об этом.

Потом все-таки подъехал УАЗик, такая «буханка». Они меня там оставили, и один из них пошел говорить по телефону. Он говорил, наверное, минут десять, а когда вернулся, сказал: «Молодой человек, вы сейчас никуда не ходите, а сразу езжайте домой». Я удивился и уехал.

Правда, меня хватило ненадолго. В декабре снова пошел [на пикет]. В чем цель, если каждый раз задерживают? Этот вопрос мне часто задает моя супруга. На него трудно ответить. Это просто мое неприятие ситуации. Так я пытаюсь выразить свое сильнейшее возмущение. К тому же я обратил внимание, что суды попадают в телеграм-каналы и СМИ.

Взаимосвязь между обычным человеком и властью разорвана. Чтобы мне до руководства донести свою позицию, нужно пройти эти суды. Государственная система стопроцентно мониторит их. Возможно,

гражданина она и не услышит, но количество дел о дискредитации увидит.

Летом [2023 года] я встал в пикет с надписью в цветах украинского флага «Зачем нам, поручик, чужая земля? Вон из Украины». На этот раз я столкнулся с давлением со стороны правоохранительных органов. Меня посадили в клетку УАЗика — доставили как преступника. В отделе полиции «эшник» пытался оскорбить, говорил, что я предатель, и во времена Сталина нас всех бы расстреляли. Я старался с ним сильно не дискутировать, чтобы мне не приписали, что я что-то пропагандирую в отделе полиции.

Полицейские с антивоенным плакатом Дмитрия Рыкова, август 2023 г. / Фото из личного архива

Полицейские спрашивали, есть ли у меня связи с Украиной, кто мне за это заплатил. Они не верили что я вышел искренне, все искали какую-то подоплеку. Потом меня фотографировали с табличкой. Уже потом от адвоката я узнал, что при административных задержаниях это необязательно. Проверяли наколки, просили расстегнуть рубашку на груди, засучить рукава

и закатать штаны. Ну, татуировок у меня нет. Думаю, я вообще не очень похож на уголовника.

Я отказался подписывать документы, пока ко мне не пустят защитника. Артем Андреевич [Шульман] меня проконсультировал, я заранее предупредил его, что иду на пикет. В итоге его пустили, и он помог мне разобраться с этими документами.

Штраф по делу о дискредитации снова был 45 тысяч рублей. Я его отказался платить, и дело передали судебным приставам. В конце концов судебные приставы у меня нашли имущество — автомобиль и квартиру. Прислали бумагу, что на них наложен арест. В итоге весь штраф, плюс стоимость их услуг, сняли с моей зарплаты — вышло около 50 тысяч рублей.

«СОВСЕМ ВОПИЮЩИЙ СЛУЧАЙ»

После того задержания я снова вышел в пикет в декабре прошлого года — в поддержку Саши Скочиленко. Тогда меня так же задержали, составили протокол о доставлении, взяли объяснительную. Прямо там я подал ходатайство о защитнике. Приезжали сотрудники Центра «Э», читали мне пропагандистскую методичку про патриотизм и о том, кто является для нас врагами.

Отпустили меня без протокола.

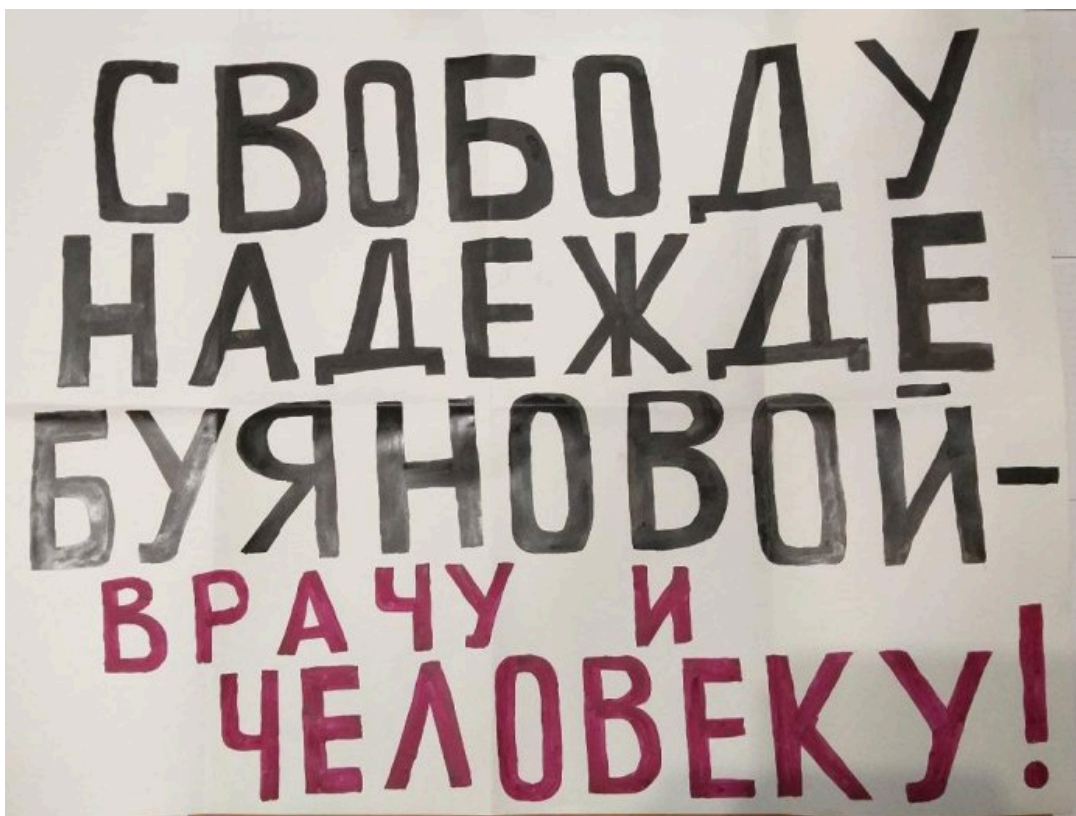
Спустя месяц вышла интересная ситуация. Дело в том, что у нас геологов, видимо, дефицит — руководство не сильно хочет меня увольнять, хотя оно не поддерживает мою точку зрения, у них противоположная позиция.

В январе меня срочно вызвал на работу начальник. Оказывается, из Москвы пришла бумага на имя нашего руководителя, где были описаны все мои «злодеяния». В заключение было сказано: «Прошу проявить патриотическую волю и уволить этого товарища». Тогда

я подумал: надо же, значит, Москва в курсе, что в Екатеринбурге какие-то чудики у памятника стоят. Написала все это какая-то анонимная женщина, возможно, — те же «эшники». Вряд ли обычный гражданин, который из дома ходит на работу и вечером из садика забирает детей, будет подобным интересоваться.

Руководитель решил бучу не поднимать и эту бумагу положил под сукно. У нас мужской коллектив, а когда коллектив сильно мужской — это плохо, много сплетен ходит, люди друг друга вечно обсуждают. А тут ничего не было. И я понял, что руководитель решил не давать ход этой бумаге.

Сейчас на мне висит одна «дискредитация», и я долгое время в пикеты не ходил, но случай с Надеждой Буяновой совсем вопиющий. Есть и еще одна причина, почему я это сделал. Дело в том, что наше руководство именно в этом году стало помогать военной машине на регулярной основе. Наше предприятие стало хорошо жить, сейчас цена на золото высокая, и у нас зарплаты высокие, я никогда таких денег не получал, мне столько не надо. На данный момент — 250 тысяч рублей чистыми на руки.

Плакат Дмитрия Рыкова в поддержку Надежды Буяновой, ноябрь 2024 г.
/ Фото из личного архива

И вот руководство каждый месяц собирает туда большие посылки с дронами, пригоняют на базу предприятия военную технику, там же ее ремонтируют, потом отправляют обратно. Мало того, что предприятие платит немалые налоги, так они еще и добровольно этим делом занимаются. Я понял, что не хочу в этом участвовать, на 99 процентов думаю покинуть это место.

Конечно, я уже немного смирился. Но, тем не менее, в поддержку политзаключенных я **могу выходить** и чувствую в этом моральную правоту (после задержания из-за пикета в поддержку Надежды Буяновой Дмитрия выпустили из полиции без составления протокола — ОВД-Инфо). Мне кажется, радикалов, которые поддерживают [войну], процентов двадцать. Основная масса населения все-таки живет по принципу: меня не трогайте и сами разбирайтесь, мы тут сбоку находимся — у меня сложилось именно такое впечатление».

Записала Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ